

Т.А. ЗАЙЦЕВА

*Санкт-Петербургская государственная консерватория
им. Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-8971-7558*

К истории личной библиотеки М. А. Балакирева

В статье впервые освещается драматичная судьба личной библиотеки Милия Алексеевича Балакирева – неизменного помощника музыканта в его многогранной творческой деятельности. Исходя из фактов, почерпнутых в эпистолярных и мемуарных материалах, показаны принципы отбора композитором книг и нот, входивших в его собрание. Подчёркнута уникальность и значимость балакиревской библиотеки как «рабочего инструмента» не только его самого, но и всей создаваемой им Новой русской школы. Это повышало её ценность в глазах Балакирева, превращая, по аналогии с традициями эпохи античности, в некий Музей-храм, открытый всему содружеству музыкантов. Стремясь сберечь библиотеку как организованную целостность, композитор обзавёлся штампами, отдельными для книг и нот, которые облакал в красивые переплёты. Всё своё собрание он завещал в конце жизни в одни руки ученику и сподвижнику С.М. Ляпунову.

Однако после смерти Балакирева история его библиотеки превратилась в историю утрат. Собрание композитора оказалось расплывчатым по разным архивам, государственным хранилищам и личным коллекциям. Изучение их фондов, научной литературы позволило выявить более 1200 экземпляров нот и книг, входивших в балакиревское собрание. При всей своей неполноте уже эта часть библиотеки свидетельствует о её величайшей ценности, о необычайной широте интересов владельца. На основании анализа документальных материалов, часть которых публикуется впервые, намечаются пути дальнейшего поиска рассеявшихся частей книжного и нотного собрания главы легендарной «Могучей кучки».

Ключевые слова: М.А. Балакирев, личная библиотека композитора, нотное, книжное собрание М.А. Балакирева, экслибрисы и штампы.

Для цитирования / For citation: Зайцева Т.А. К истории личной библиотеки М.А. Балакирева // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 3. С. 95–111. DOI: 10.17674/2782-3601.2023.3.095-111. EDN: SLGTNB.

TATYANA A. ZAITSEVA

*St. Petersburg N.A. Rimsky-Korsakov State Conservatory, St. Petersburg, Russia**ORCID: 0000-0001-8971-7558***On the History of M.A. Balakirev's Personal Library**

For the first time the article highlights the dramatic fate of Miliy Alekseevich Balakirev's personal library – the constant assistant of the musician in his multifaceted creative activity. Based on the facts gleaned in epistolary and memoir materials, are shown the principles of the composer's selection of books and notes included in his collection. The uniqueness and importance of the Balakirev's library as a "working tool" is emphasized not only by him, but also by the whole New Russian School created by him. This was increasing its value in Balakirev's eyes, turning it, by some analogy with the traditions of the Antiquity era, into a kind of Museum-temple open to the entire community of musicians. In an effort to preserve the library as an organized whole, the composer acquired stamps, separate for books and notes, which he wrapped in beautiful bindings. At the end of his life he bequeathed his entire collection to his student and associate S.M. Lyapunov in one hand.

However, after Balakirev's death, the history of his library turned into a history of losses. The composer's collection turned out to be dispersed among various archives, state repositories and personal collections. The study of their funds and scientific literature permitted to reveal more than 1200 music and books copies that were part of the Balakirev's collection. For all its incompleteness, this part of the library already testifies to its greatest value, to the extraordinary breadth of the owner's interests. Based on the study of documentary materials, a part of which are published for the first time, are outlined the ways of further searching for the scattered parts of the book and sheet music collection of the legendary "Mighty Bunch" head.

Keywords: M.A. Balakirev, composer's personal library, music, M.A. Balakirev's book collection, bookplates and stamps.

«Книга дороже мне престола...»

В. Шекспир

Как много существует специальных терминов, говорящих об увлечениях человека: библиофил, филателист, нумизмат... Однако для собирателя нотной библиотеки никакого отдельного слова ещё не придумали. Ведь в «Словаре иностранных слов» термин «библиофил» расшифровывается как «любитель и знаток книг, собиратель редких, имеющих особую ценность изданий» [15, с. 77]. Балакирев – любитель и знаток не только книг, но и нот, в числе которых было немало раритетных

изданий. Все они сопровождали музыканта на протяжении его нелёгкой жизни, внося в неё гармонию, сосредоточенность на «высоком стремление» дум. А потому Мастер может быть назван библиофилом в расширенном значении этого слова. Тем больший интерес представляют вопросы, которыми ещё не задавались исследователи: какими принципами руководствовался Балакирев, формируя своё собрание? Как случилось, что ныне оно утрачено? Наконец, где надлежит его искать? Попытаемся ответить, а заодно и проследить, хотя бы кратко, абрисы трудной судьбы библиотеки музыканта.

«Собирателю свойственно сосредоточенное, углублённое проникновение

в предмет. Всё зрение, всё внимание собирается в узкий пучок и уже не скользит по поверхности предметов, но вот именно проникает в глубину», – заметил писатель В.А. Солоухин [16, с. 5], касаясь традиции библиофильства в целом.

Этим «проникновением в глубину» выделялся Балакирев – создатель нового направления в искусстве. Однако в объективе его внимания находилось множество «предметов», связанных как с музыкальной культурой, так и – много шире – с прошлым и настоящим России и мира. Богатство балакиревского нотного собрания соперничает с книжным, изобилующим капитальными трудами в самых разных областях человеческого знания. Это обнаруживает стремление Балакирева сосредоточиться на главном едва ли не в каждой сфере, к которой обращался его пытливый ум. Такой принцип отбора, вероятнее всего, композитор почерпнул у Н.Г. Чернышевского. Балакирев, как и многие россияне, зачитывался его романом «Что делать?» и явно отсюда извлёк много поучительного. В том числе – касательно чтения с его незаменимой ролью в самовоспитании.

Взгляды писателя изложил его герой Рахметов – особенный человек, который «и тут поставил себе правилом: роскоши и прихоти – никакой; исключительно то, что нужно. А что нужно? Он говорил: “По каждому предмету капитальных сочинений очень немного; во всех остальных только повторяется, разжижается, портится то, что всё гораздо полнее и яснее заключено в этих немногих сочинениях. Надобно читать только их; всякое другое чтение – только напрасная трата времени. <...> Я читаю только самобытное и лишь настолько, чтобы знать эту самобытность.

<...> Каждая прочтённая мною книга такова, что избавляет меня от надобности читать сотни книг”» [21, с. 263–264].

Читать «исключительно то, что нужно», стало правилом Балакирева. Поэтому в отборе книг и нот им двигало не стремление к их коллекционированию, а желание обрести верных спутников «трудоу и дней». Вместе с тем музыканту-библиофилу было очевидно: личные книжные и нотные собрания требуют особой заботы и внимания. Вот пример:

«Любезнейший Владимир Михайлович! – писал Балакирев литератору Владимиру Жемчужникову 22 января 1871 года. – Рекомендую Вам подателя сего Порфирия Алексеевича Трифонова, как симпатичного и милого человека, могущего привести в порядок библиотеку Вашу, а ещё более могущего собрать и выписать всего Пруткова» [8, с. 103].

Примечательно уточнение, которое делает Балакирев. Это ещё одно подтверждение того, что в его глазах личная библиотека – прежде всего рабочий инструмент. Поэтому приведение в порядок библиотеки приятеля композитор связывает с подготовкой полного собрания сочинений Козьмы Пруткова – под таким литературным псевдонимом в журналах «Искра» и других выступали поэты Владимир (с которым был особенно дружен музыкант), Алексей и Александр Жемчужниковы, а также Алексей Толстой.

Согласно функциональному назначению, библиотеку Балакирева следует называть собранием. Однако музыкант был во всём самобытен. Это демонстрирует и его библиотека, включающая немало раритетных изданий, что характерно для коллекции¹. Вот как истолковал этот термин

¹ Разделять термины «собрание» и «коллекция» предложила И.Ф. Безуглова, справедливо считая, что отнюдь не всякую частную библиотеку можно назвать коллекцией: «Владелец частного нотного собрания... формирует его по своей надобности и вкусу, но сообразуясь с пользовательской необходимостью. Коллекционер руководствуется интересами библиофила, отбирая в коллекцию издания, являющиеся раритетами» [3, с. 93].

В.И. Даль: «...Собранные вместе однородные и *чем-либо замечательные* (выделено мной. – Т.З.) вещи» [5, с. 136]. Иными словами, коллекция может определяться не только наличием раритетов. Балакиревская библиотека *замечательна* (если воспользоваться определением Даля) прежде всего тем, что она – «слепок верный» внутренней жизни большого музыканта, где книги и ноты выступали в самых разных функциях. То были «наставники», «собеседники», «советчики», а порой и «оппоненты» Балакирева во многих областях искусства и науки. Выполняли они и роль незаменимых «инструментов» в многоликой творческой лаборатории композитора, будь то сочинение музыки, проблемы образования, фольклористики, музыкальной науки и критики и – шире – строительства культуры.

Наконец, книги и ноты с дарственными надписями – своеобразные «хранители памяти» дорогих Балакиреву привязанностей к родным, друзьям, ученикам. А ещё – «вещественные знаки» его множественных контактов с современниками. Поэтому позволим себе называть балакиревскую библиотеку не только собранием, но и коллекцией, акцентируя тем самым её уникальность и богатство.

Причём на переданных музыканту рукописях и печатных изданиях могло и не быть надписей или штампов их первоначальных владельцев. Таковы, к примеру, три рукописи, полученные от Улыбышева: его монография о Бетховене на немецком языке², а также две рукописные копии улыбышевской пьесы «Вздохатель без

денег. Быль-небылица в драматической форме и трёх действиях»³.

В библиотеку Балакирева могли войти и отдельные труды из библиотеки А.Д. Улыбышева. Согласно завещанию, книжное собрание автора «Новой биографии Моцарта» поступило к его сестре Е.Д. Пановой. При этом 1000 рублей, две скрипки и нотная библиотека были отписаны Балакиреву. Вместе с ними композитору могли быть переданы, судя по датам издания, монография Чарльза Бёрни (Berney Ch.) «A general history of music...» (London, 1776–1789. № 72⁴), цитировавшаяся Улыбышевым в его исследовании о Моцарте, а также работа Ж.Ф. Фетиса «Исторические достопамятности музыки» (СПб., 1833. № 535), с которым Улыбышев состоял в переписке [см.: 15]. Хотя эти книги Улыбышев мог и сам подарить Балакиреву, или же они перешли к нему из библиотеки матери.

Известно: библиофила выдаёт трогательная забота едва ли не о каждом экземпляре собственной библиотеки, увлечённое пополнение её. Всё это – и о Балакиреве, который любовно переплетал свои книги и партитуры, составляя из разрозненных нотных изданий и рукописей конволюты (Рис. 1).

Нередко музыкант обращался за нужным ему изданием не только в магазины и издательства, но и непосредственно к авторам, друзьям и знакомым. Причём эти просьбы в дружеской переписке зачастую очень горячи. О силе эмоционального накала можно судить по тону обращений

² ОР РНБ, ф. 41 (М.А. Балакирев), ед. хр. 1864. II и III части. Черновой автограф в переплёт; на л. 1. название написано карандашом В.В. Стасовым; на л. 31, 38, 39об. 49об., 64, 64об., 80об., 83, 99об., 100, 112, 114, 114об. 118, 120, 126, 15–151 наклеены нотные примеры. 230 л.

³ ОР РНБ, ф. 41, ед. хр. 1865. Копия переписчика, в переплёт; пагинация 1–141 [1848 год]. 72 л.; ОР РНБ, ф. 41, ед. хр. 1866. Копия переписчика, в переплёт; пагинация 1–93. На заглавном листе к фразе «писана в 1848-м году» другим почерком приписано: «переделана в 1856 г.». 47 л.

⁴ Здесь и далее выходные сведения и номера приведены по обнаруженному нами в архиве рукописному «Каталогу книг М.А. Балакирева», составленному Ю.С. Ляпуновым. См.: ОР РНБ, ф. 1141 (А.С. Ляпунова), ед. хр. 70.

Рис. 1. Балакиревский конволют во владельческом переплёте, куда вошли партитуры Моцарта: кантата «Кающийся Давид» и Реквием (ОНИиМЗ РНБ. М 344-3 / М. 862 (инв. № 81646)

и тем выражениям, в которые Мастер их облакал.

«Любезнейший Бахинька! – обращается Балакирев к В.В. Стасову уже в одном из первых сохранившихся писем из их переписки от 21 февраля 1858 года. – Я нездоров и потому не могу к Вам сегодня придти, а посылаю к Вам вместо себя Гусиковского⁵, коему Вы *не забудьте* вручить симфонии Бетховена» [1, с. 54].

Иначе, словно подчёркивая необязательность отклика, Балакирев просит П.И. Чайковского в письме от 18[–19] марта 1869 года: «Не можете ли достать у Лароша его книжку о Глинке?» [8, с. 130]. Очевидно, Балакирев имел в виду отдельный оттиск очерка «Глинка и его значение в истории музыки» Г.А. Лароша из «Русского вестника» (1867). Понятен интерес композитора к этой работе: тема «Глинка», похоже, была для него неисчерпаемой. Вот только он явно чувствовал неловкость обращённой к Чайковскому просьбы в письме с резкой критикой «Фатума» Петра Ильича. Послание это

Балакирев отправлять не стал. Лишь спустя две недели, 31 марта, он отослал Чайковскому другое письмо, где выразил своё мнение о «Фатуме» более сдержанно, просьбу же о «книжке Лароша» не повторил. Быть может, за истекшие дни композитор нашёл другой способ ознакомиться с ней.

Особенно же настойчив Балакирев становился, когда речь заходила о новом музыкальном произведении, обещанном автором. Вот пример, один из многих:

«Ваше интересное письмо <...> я получил, несмотря на то, что оно было адресовано мне по летнему адресу в Петергоф, – сообщил Балакирев французскому музыковеду и композитору Л.А. Дюкудре в феврале 1892 года. – Экземпляр же “Тамары”, вероятно, ещё отыскивает меня, так как до сих пор я его не получил, и, нетерпеливо желая познакомиться с этой новинкой, я был чрезвычайно обрадован возможности попользоваться на некоторое время экземпляром *du Cénéral Philippow*. Для основательного же знакомства с Вашей оперой буду ожидать обещанного Вами экземпляра» [8, с. 208].

⁵ Балакирев употребил одно из шуточных прозвищ своего ученика Аполлона Сильвестровича Гуссаковского.

Спустя некоторое время Балакирев, так и не получив подарка, не без юмора напоминает Бурго-Дюкудре:

«Cher ami,

На Ваше последнее письмо я не торопился отвечать, выжидая получения заблудившегося в исканиях меня экземпляра Вашей “Тамары”, но, к сожалению, я его не получил, и думаю, что он пропал. <...> Буду ожидать также и экземпляр *reduction pour piano et chant* взамен пропавшего» [8, с. 208].

Наконец долгожданные ноты были получены:

«Простите, что за разными обстоятельствами я замедлил известить Вас, что, наконец, экземпляр Вашей пламенной “Тамары”, посланной Вами взамен пропавшего, достиг благополучно ледяных берегов Невы и находится в моих руках, равно как и экземпляр женского хора с хоровыми партиями, – пишет Балакирев. – Теперь буду ожидать обещанных Вами *partitions d’orchestre* отрывков, намеченных мною к публичному исполнению, солидное достоинство которых не может не быть признано беспристрастными и знающими музыкантами» [8, с. 208].

Очевидно, какое-то время спустя «ледяных берегов Невы» достиг и другой экземпляр «Тамары». Ныне оба клавира с дарственными надписями композитору хранятся в его фонде⁶.

Однако Балакирев, будучи главой школы, просто не мог складывать библиотеку исключительно для себя. Милию Алексеевичу зачастую не терпелось сразу показать друзьям рукопись только что оконченного сочинения или новое издание, заострить внимание на затронутых в них проблемах. Поэтому на музыкальном вечере у Пыпиных 18 марта 1892 года он поспешил ознакомить членов петербургского «Веймарского кружка» с «Вос-

поминаниями о Фильде» А.И. Дюбюка за долго до их выхода в свет [8, с. 405].

Если представлялась такая возможность, Балакирев стремился обсудить вышедшую в свет публикацию с её автором. При этом композитор нередко указывал на допущенные ошибки и неточности, которые следовало исправить при переиздании – как в этом случае:

«Многоуважаемый Сергей Константинович! – обращается Мастер к профессору Историко-филологического института в Петербурге, музыкальному критику и композитору С.К. Буличу 23 мая 1904 года. – Один из моих друзей очень обрадовал меня, доставив мне номер “Руси” от 20 мая, в котором Вы дебютировали статьей о Глинке. <...> Одно замечание я бы сделал: Вы, к сожалению, сказали только *вскользь* о знакомстве Глинки с Берлиозом, не остановились на этом единственном, можно сказать, факте сближения Глинки с одним из гениальных европейских музыкантов. Если и случалось Глинке встречаться с крупными тогдашними музыкантами, как, например, с Мендельсоном или с Мейербером, то эти встречи проходили как бы бесследно, а встреча с Берлиозом вызвала у Глинки серьёзное письмо к Кукольникову, которое даёт нам понятие о нём как о критике. Из этого письма видно, как Глинка поражён был музыкой Берлиоза, партитуры коего он с жадностью изучал; о нём он не затруднился сказать без обиняков, что в области фантастического далее Берлиоза не заходил никто. Важно и то, что, по собственному сознанию Глинки, сочинения Берлиоза настроили его к сочинению “Испанских увертюр”, о чём он говорит в том же письме к Кукольникову, и при рассмотрении партитур их влияние Берлиоза делается очевидным» [8, с. 254].

Или другой пример:

«Нынешней зимой радовался успеху Вашей книжки, напечатанной, к сожалению, в очень малом количестве, и удивлялся, от-

⁶ ОР РНБ, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 1512, 1513.

чего это полное издание на самом деле оказывается неполным. Там пропущена очень талантливая комедия “Дон Алонзо Мерзавец и донна Анна Ослабелла”», – писал Балакирев 27 июля 1884 года Владимиру Жемчужникову, вскоре по выходе в свет подготовленного им совместно с братом Алексеем Полного собрания сочинений Козьмы Пруткова (СПб., 1884) [8, с. 109].

Книга эта, как явствует из составленного Ю.С. Ляпуновым «Каталога книг М.А. Балакирева», пополнила библиотеку композитора⁷, так любившего остроумные высказывания Пруткова и пересыпавшего ими свою речь (попутно заметим, что в этих симпатиях композитор совпал с А.А. Фетом, называвшим Пруткова «несравненным поэтом»).

Примечательно указание Балакирева на опубликованную в журнале «Развлечение» за 1861 год (т. V, № 4) комедию «Любовь и Силин», где фигурируют «гишпанец» Сильва дон Алонзо Мерзавец и находившаяся под его опекой «гишпанка» Ослабелла. Значит, в поле зрения музыканта было и это периодическое издание.

Ещё более подробны рекомендации Балакирева в отношении полученных в подарок музыкальных произведений. В качестве примера приведём фрагмент продолжившейся переписки композитора с Бурго-Дюкудре:

«Несмотря на беглый просмотр, я все-таки мог уразуметь, что Ваш настоящий труд не только замечательный и почтенный, но резко выдающийся по своей свежести направления, которому, несомненно, принадлежит будущее музыкального искусства, – делится впечатлениями Балакирев с Бурго-Дюкудре, получив, наконец-то, его “Тамару”. – Если в опере имеются общие места, бледные по музыке, то имеются и капитальные нумера, достойные пера высокого художника, к каковым я при-

числяю всю первую сцену (томление жажды), необычайно оригинальные танцы, которыми открывается 2-я картина оперы, и то глубоко прочувствованное и нежно-поэтическое *arioso*, которое, являясь началом интродукции к танцам, неоднократно проведено в опере как изображение любви Нуреддина и Тамары» [8, с. 208–209].

Маргиналии композитора в выявленных нотных изданиях дополняют его разъяснения в письмах к авторам. В совокупности же эти материалы открывают простор для публикации целого ряда произведений в редакции Балакирева.

Но вот черта, вовсе не характерная для библиофила: Балакирев с безоглядной щедростью разрешал ученикам и соратникам пользоваться собранными книжными и нотными богатствами. Такова редкостная натура музыканта. Он всегда был готов поделиться буквально всем и со всеми – будь то творческие находки и открытия, которыми Мастер одаривал не только учеников, но и широкий круг музыкантов. Или – «презренный металл», безвозмездно раздававшийся Балакиревым обездолженным, хотя сам он был отнюдь не богат. Наконец, музыкант предоставлял свой кров бездомным старушкам, которых призраивал в богадельню. У него находили приют даже бездомные собаки. В результате балакиревская квартира порой превращалась в псарню, пока для четвероногого подопечного не находился хозяин.

Нетипичная для библиофила позиция была связана и с такой особенностью творческой личности музыканта, как *доминирование педагогического начала*. Похоже, создатель легендарной «Могучей кучки» считал необходимым, чтобы его книгами и нотами пользовались все, кто в них нуждался. В этом для учителя, очевидно, заключался важный смысл личной

⁷ ОР РНБ, ф. 1141, ед. хр. 70. № 374.

библиотеки – выражаясь по-старинному, «избранного любочисленника» нот и книг, отражавшего его мировоззрение и вкусы. Собранные им издания должны были *воспитывать в нужном ключе* как можно больше людей. Повторим: речь шла не только о ближайших учениках, но и едва ли не обо всех, кто входил в число его друзей и добрых знакомых. Поэтому библиотека Балакирева, подобно нынешним государственным хранилищам, постоянно находилась в движении. И это затрудняет точное определение её состава и поиск изданий, принадлежавших композитору.

Особенно щедро Балакирев делился нотами. Недаром его нотное собрание было наиболее подвижно, сродни полноводной реке, разливающейся в своём устье множественным «рукавом»: с годами росло число балакиревских учеников, и все они широко пользовались экземплярами из библиотеки учителя. Очевидно, Милию Алексеевичу была памятна та роль, которую в его самообразовании сыграла библиотека Улыбышева. Позднее глава Новой русской школы сам последовал примеру дорогого наставника. Так, юный Александр Глазунов, возвращая Балакиреву «Трактат по инструментовке» Г. Берлиоза, тут же просил прислать ему балакиревскую Увертюру на темы трёх русских народных песен [10, с. 238]. Причём Милий Алексеевич тотчас откликнулся на подобные просьбы и даже сам инициировал их. «Балакирев <...> сказал, что все его партитуры всегда к моим услугам», – отметил в дневниковых записях от 20 декабря 1891 года В.В. Ястребцев [8, с. 404].

В свою очередь, ноты воспитанников и соратников порой получали постоянную «прописку» в библиотеке Балакирева. Так случилось с изданием Пятого концерта Бетховена, явно полученным

из рук Ц.А. Кюи, о чём свидетельствует адресованная ему дарственная надпись на польском языке. Ноты эти вошли в составленный Балакиревым конволют во владельческом переплёте, снабжённый штампом на внутренней крышке: «Нотн. библ. М.А. Балакирева»⁸ (Рис. 2).

Рис. 2. Дарственная надпись Ц.А. Кюи на экземпляре Пятого концерта Бетховена из библиотеки М.А. Балакирева (ОР РНБ, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 1436, в составе конволюта)

Отдавая на время экземпляры из своей библиотеки, композитор, как правило, не вёл им учета, вероятно, надеясь на свою феноменальную память. Но в таких случаях память его порой подводила, так что возникали недоразумения – вроде этого, запечатлённого Ястребцевым:

«Курьёзная встреча. Балакирев ехал на извозчике, а я влезал на империал невской конки. Мы раскланялись. “Занесите, если Вам не нужны, партитуры Листа”, – крикнул М.А., проезжая мимо конки. Я ничего не понял, слез с верха, догнал извозчика, подсел к нему, и только тогда выяснилось недоразумение: он думал, что концерты Листа у меня. “Кому же тогда я их отдал?”» [8, с. 412].

В результате «единицы хранения» из балакиревской библиотеки могли и затеряться. Похоже, так случилось с партитурой Фантастической симфонии Берлиоза в издании Рикорди, где рукой Берли-

⁸ ОР РНБ, ф. 41, оп.1, ед. хр. 1436.

оза были внесены поправки. Симфонию пытался найти Балакирев, по его просьбе к поискам подключился А.К. Лядов, но – безуспешно.

Тем не менее композитор своих привычек не менял. Это означало, что часть розданных книг и нот (особенно розданных незадолго до кончины) наверняка не успела вернуться под кров хозяина, отошедшего в мир иной...

В глазах Балакирева музыкальные произведения были подобны живым существам, а потому и отношения с ними складывались, как с людьми. В его нотной библиотеке присутствовали только те произведения, которыми он продолжал дорожить. В противном случае хозяин мог и отказать им от дома, причём – в самой резкой форме. Так, В.Г. Кульчинский вспоминал, что Балакирев разорвал пьесу для скрипки с темой «Марсельезы» [8, с. 431]. Эту тему, как уверял Ястребцев, композитор считал «крайне банальной, музыкально плохой» [8, с. 395].

Балакирев и сам любил дарить ноты, книги, рукописи. Думается, он и приобретал несколько экземпляров одних и тех же изданий для подарка, отбирая их не менее тщательно, нежели для собственного собрания. «Балакирев обещал мне подарить партитуру 2-й симфонии Бородина. Пишу ему записку», – отметил в дневниковых записях Ястребцев 21 марта [1892 года] [8, с. 407].

В доме должны присутствовать лишь *необходимые* для работы и жизни ноты и книги, постигая которые, «сам растёшь и крепнешь» [1, с. 106–107], – под таким девизом Балакирев не только складывал свою библиотеку, но и дарил другим входившие в неё экземпляры, следя за их судьбой, стремясь, чтобы они при любых об-

стоятельствах оставались востребованными. Вместе с такими дарами музыкант как будто передавал мудрое напутствие, которое должно поддержать одариваемого человека в чём-то важном, а порой – просто помочь жить. Поэтому Балакирев готов был отдать и единственный экземпляр, если ему казалось, что другому он нужнее. И за судьбой подаренных книг и нот Милий Алексеевич следил едва ли не с большим вниманием, нежели за отданными на время личными экземплярами. Ибо композитор стремился, чтобы они постоянно находились в заботливых руках владельцев. Вот что Балакирев пишет В.В. Стасову 12 июня 1904 года, соболезнуя в связи с кончиной его брата Александра Васильевича:

«Обращаюсь к Вам с просьбою. После него (А.В. Стасова. – Т. 3.) осталась подаренная мною ему книга: *“Полные святцы, составленные Косолаповым”*⁹.

У Вас в доме эта книга никому не может быть нужна и никому не интересна (здесь Балакирев намекает на разность своих и В.В. Стасова взглядов в отношении религии. – Т. 3.).

Вы мне сделаете большую радость, если подарите эту книгу Аннушке, ухаживающей в настоящее время за Людмилой Ивановной¹⁰. Она религиозна, и такой подарок будет ей вдвойне дорог, как по существу, так и потому, что он сделан будет в память Александра Васильевича» [2, с. 222].

В.В. Стасов ответил тотчас, 14 июня того же года:

«...Вы желаете, чтоб я отдал Анне Александровне «Святцы» Косолапова. Вы этого хотите – конечно, я так и сделаю. <...> Но Вы совершенно ошибаетесь, полагая, что

⁹ Полное название книги: «Месяцеслов православной кафолической церкви с приложением полного индиктиона, тридцати пяти таблиц, чтений из Евангелия и апостола на каждую неделю года и алфавитным указателем имён святых, упоминаемых в месяцеслове / сост. Ив. Косолапов» (Казань, 1874). Причём у самого Балакирева, судя по описи Ю.С. Ляпунова, этой книги не было. Вероятно, потому, что её заменяли другие, сходные по содержанию, книги.

¹⁰ Речь идёт об Анне Александровне Алексеевой, компаньонке Людмилы Ивановны Шестаковой.

«Святцы» Косолапова – ненужный сор у нас в доме. Вы очень ошибаетесь. Там, кроме божественной стороны, есть ещё и другая, крайне интересная и важная: *историческая*. И именно эта книга Косолапова оказала мне огромную услугу, когда я, года 1 ½ или 2 назад, писал большое сочинение: «*Миниатюры некоторых византийских, болгарских, джагатайских (древнетюркских), персидских и славянских рукописей*», за которую мне недавно присудили большую золотую медаль. Конечно, я легко мог бы взять эту книгу и из нашей Публ[ичной] библиотеки – там все 2 миллиона книг к моим услугам; но я не знал про её существование, так что, если Вы ею сделали кому-нибудь услугу, то это вовсе не Алекс[андру] Вас[ильевичу], а мне. Да кроме этого трактата она оказала и много других услуг – благо была у нас в комнатах. И я Вас крепко благодарю» [2, с. 224–225].

И всё-таки Балакирев настоял на том, чтобы «Святцы» были переданы указанному им лицу, очевидно, считая, что так данное издание принесёт больше пользы. Тем более композитора волновала судьба его личной библиотеки и архива в целом.

К концу жизни он раздал практически все имевшиеся у него средства родным и близким. А вот раздать библиотеку по частям Балакирев явно не хотел и не мог: ведь это была единая семья, с любовью им собранная, хранившая воспоминания о прожитой жизни.

Неизвестно, был ли знаком Балакирев с трудами выдающегося нидерландского учёного-гуманиста Юста Липсия (1547–1606), который сделал работу над текстами античных авторов едва ли не главным делом своей жизни. Культура античности оставалась для него незыблемым живым образцом, в том числе и в повседневной жизни. С этой целью им был написан трактат «О библиотеках», проникнутый мыслью об упрочении древних традиций библиотек и музеев как институ-

тов объединения интеллектуалов. Для создания нужной духовной атмосферы Юст Липсий советовал украшать библиотеку бюстами писателей-классиков, редкостями и т. д.

Кажется, Балакирев, интересуясь античной литературой, устроил своё жилище, словно следуя заветам нидерландского учёного. Глава школы-направления не ограничился собиранием нот, книг, рукописей, заполнив свой дом портретами, бюстами их авторов – дорогих ему людей, учителей и кумиров. С высокой традицией благодарной памяти о них были связаны балакиревские мемориальные вещи – свидетельства его артистических триумфов, фотографии памятных мест, куда Мастер совершал свои концертные поездки. В качестве доказательства приведём пространственный фрагмент подробного описания балакиревского гнезда К.Н. Черновым:

«Балакирев занимал довольно большую квартиру № 7, в шесть комнат, в четвёртом этаже на Коломенской улице в доме тоже № 7-м. <...> Три лицевые комнаты занимал сам М. А., а остальные, выходящие во двор, предоставлял своей прислуге. <...> Дверь из передней вела в гостиную довольно больших размеров (в три окна), с тюлевыми занавесками. В простенках между окнами стояли два трюмо с бронзовыми подсвечниками. На одном подзеркальнике виднелся портрет Листа с его автографом, а на другом изящно сделанная модель фисгармонии под стеклянным колпачком, поднесённая М. А. почитателями его таланта. У среднего окна на столике одно время под стеклом находилась под стеклянным колпаком высеченная из белого мрамора рука Листа, пишущая золотым пером: тоже одно из многочисленных подношений. <...> (Рис. 3).

Рядом с диваном, с одной стороны, стоял кругленький столик, прикрытый белой вязаной салфеткой с курительным прибором, с другой – овальный стол с бархатной скатертью и большой стоячей лампой с голубым ша-

Рис. 3. Слепок руки Ф. Листа и бархатная подставка для неё, преподнесённые М.А. Балакиреву на концерте БМШ 11 апреля 1898 года
(© СПбГМТ и МИ, № 2249)

рообразным стеклянным абажуром; по вечерам она разливала по комнате приятный полусвет. На столе этом лежали альбомы видов Праги и других городов и мест за границей, где бывал Балакирев: вазочка с визитными карточками и портрет Глинки в рамке, снятый с оборотной стороны одной из картин Брюллова. Над столом, на стене висели гравюры: “Бетховен” и “Моцарт” в широких красных

рамах. В углу, у двери стояла полка с нотами в красных переплётах – старые издания Шопена, Шумана, Листа и др., а над ней красовался портрет-гравюра Фр. Шопена, и под ним, в рамке под стеклом, виднелся пучок засохших цветов с его могилы, вернее, из костёла Св. духа в Варшаве, где хранится урна с сердцем польского композитора-патриота. <...> (Рис. 4).

Рис. 4. Гостиная в квартире М. А. Балакирева
(КР РИИИ, ф. 13, ед. хр. 17)

Рис. 5. Музыкальный вечер в гостиной М.А. Балакирева; сидят (слева направо): М.А. Балакирев, Л.А. Кашперова, С.М. Ляпунов; стоят: Ю.Г. Циммерман, Б.Л. Жилинский, М.П. Карпов, А.Ю. Циммерман

В углу, за роялями, у изразцовой печи, стоял на высоком постаменте бюст Мих. Ив. Глинки, времени написания “Руслана”, т. е. 40-х годов – подарок Балакиреву от Людмилы Ивановны Шестаковой, сестры Глинки. Около, в футляре, лежала изящная, вырезанная из слоновой кости, дирижёрская палочка, поднесённая М. А. во время юбилейных концертов в память Шекспира, где впервые исполнялся “Король Лир” Балакирева.

Над новым роялем на стене висела большая известная фотогравюра: “Шопен у Радзивилла”. Под ней и около развешены были портреты Н. Рубинштейна, Даргомыжского, Дюбюка, Гензельта и Шумана; на рояле же помещались еще портреты Улыбышева, в доме которого, как известно, Балакирев провёл свою юность. Пред своей кончиной М.А. с особенной нежностью вспоминал о своём “втором” отце, покупая и собирая его портреты, письма и пр.

Тут же на рояле стояла большая гравюра, изображающая шествие Иоанна Гуса на костёр. Личность чешского реформатора, как славянского поборника православия, всегда глубоко интересовала М. А., его умиляла, например, сцена с наивной старушкой, принёсшей на

костёр страдальца вязанку дров и вызвавшей кроткое замечание Гуса: “О, святая простота”. Этот огонь инквизиции горит в Увертюре Балакирева на тему испанского марша.

Над роялем висела большая фотография, снятая во время торжественного открытия в 1894 г. памятника Шопену, воздвигнутого по почину Балакирева в Желязовой Воле, месте рождения великого композитора. Он изображён сидящим перед памятником за пианино и исполняющим произведения Шопена. <...>

Над другим, более старым роялем висел в центре портрет Глинки работы фотографа Левицкого, подаренный Балакиреву самим Глинкой пред его последним отъездом в Берлин. Здесь же помещался автограф Глинки из оперы “Жизнь за царя”. Внизу большой роскошный бронзовый барельеф Шопена в профиль, окружённый серебряным венком, поднесённый Балакиреву Польшею при открытии им памятника Шопену в Желязовой Воле¹¹. По бокам ещё – фотографии Листа с известного портрета Репина, Л.И. Шестаковой, Берлиоза, снимок с памятника Глинки в Смоленске и портрет с автографом С.М. Ляпунова. <...> (Рис. 5).

¹¹ Чернов ошибся, и эта ошибка проникла в другие издания (см.: 9 Ил. между с. 336–337). Барельеф с изображением Шопена, выполненный известным медальером Леопольдом Штейнманом, Балакиреву подарили члены «Веймарского кружка» по приезде его из Польши в 1891 году. Поляками был преподнесён Балакиреву серебряный венок после исполнения им шопеновских произведений на концерте в Варшаве, приуроченном к торжествам в связи с открытием памятника польскому композитору в Желязовой Воле осенью 1894 года. Очевидно, по просьбе Балакирева два этих драгоценных для него дара были объединены вместе.

Рис. 6. Спальня в квартире М.А. Балакирева
(КР РИИИ, ф. 13, ед. хр. 17)

Единственной роскошью этой скромной и несколько старомодной гостиной был висевший в углу, около двери в столовую, большой образ Мальтийской Божьей Матери, почерневший лик которой резко выделялся на фоне белого мальтийского орденового креста. Вся риза иконы была осыпана крупным жемчугом; перед ней, в лампадке на цепочке, всегда теплился огонек. <...>

Небольшая комната, погружённая во мрак, так как тёмные и плотные шторы на её окнах всегда были спущены, — служила М.А. в одно и то же время и кабинетом и спальней. <...> В комнате этой стояло два шкафа с партитурами, один у стены, а другой поперёк комнаты, в том месте, где за занавеской стояла простая железная кровать. <...> Если М. А. не любил, чтобы его провожали в кабинет, то тем труднее было попасть в это его «святая святых». <...> (Рис. 6).

За столовой находилась кухня и комната, где жила старая, давнишняя кухарка М. А., кажется, по имени Аксинья, и где хранились ноты М. А., но Балакирев не любил, чтобы кто-нибудь входил в кухню, и всегда останавливал меня с извинением у двери, когда шёл туда взять ноты. Так я и не мог удовлетворить своего любопытства – видеть, много

ли у него нот и какие именно, хотя Балакирев никогда не отказывался снабжать меня ими. Знаю только, что они были все в прекрасных чёрных шагреновых переплётках, с номерацией и фамилией на корешках. На первой чистой странице был подробный перечень находящихся в данном томике нот. Партитуры же, хранившиеся в кабинете, были переплетены в роскошные красные переплётки» [20, с. 10–14].

Все эти подробности быта красноречиво говорят не только о квартире хозяина, но и о его образе жизни, вкусах, пристрастиях. Однозначен вывод: музыкант, равнодушный к роскоши, устроил свой дом в духе библиотек времён античности [см. об этом: 22], превратив его в подобие мемориального Музея-храма, бережно сохранявшего память о кумирах «кучкистов», о вехах в истории Новой русской школы, её звёздных часах. И опять-таки в духе толкования Юстом Липсием, то был живой Музей-храм союза творцов, «где занятия имели мужи, преданные Музам» [22, с. 12] (потому и слово Музей писалось с большой буквы). Буквально до последних дней

Милия Алексеевича его Музей-квартира оставалась одним из действенных центров столичной культуры. Здесь звучали опусы композиторов-соотечественников разных поколений наряду с шедеврами классиков в непревзойдённом исполнении хозяина дома и его гостей.

Примечательно, что, судя по описанию Чернова и по сохранившейся фотографии, комнатой – «книгохранительницей», а точнее «нотохранилищем», – у Балакирева была спальня, отчасти сходная с кельей: никаких случайных вещей, только самое необходимое для жизни, и в первую оче-

редь – для жизни духа. У Балакирева – композитора и глубоко верующего человека – это партитуры и иконы, сплошь покрывшие стену рядом с изголовьем аскетически узкой железной кровати. Такое убранство невольно подводит к мысли: вера и музыка, причём музыка симфоническая, – вот главные полюсы жизни духа композитора. А спальня-келья, похоже, стала для него местом сокровенных дум в бессонные ночные часы. Недаром сюда не было доступа даже близким друзьям...

(Продолжение следует.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакирев М.М., Стасов В.В. Переписка. В 2 т. Т. 1: Письма: 1858–1880 / ред.-сост., автор вступ. ст. и коммент. А.С. Ляпунова. М.: Музыка, 1970. 488 с.
2. Балакирев М.М., Стасов В.В. Переписка. В 2 т. Т. 2. Письма: 1881–1906 / ред.-сост., автор вступ. ст. и коммент. А.С. Ляпунова. М.: Музыка, 1971. 424 с.
3. Безуглова И.Ф. Собрания и коллекции в фондах музыкального отдела Российской национальной библиотеки // Музыкальное наследие в современном обществе. М.: ВМОМК им. М.И. Глинки, 2014. С. 93–99.
4. Берков П.Н. Русские книголюбы. М.; Л.: Сов. писатель, 1967. 316 с.
5. Даль В.А. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык Медиа, 2003. 686 с.
6. Зайцева Т.А. Находки в библиотеке Санкт-Петербургской консерватории (к 185-летию М.А. Балакирева) // Opera musicologica. 2021, № 4. С. 128–144.
7. Зайцева Т.А. «Незнаемая лира» // М.А. Балакирев. Полн. собр. духовных соч. / вступ. ст., коммент. и прилож. Т.А. Зайцевой. М.: Музыка, 2015. С. 11–43.
8. Милий Алексеевич Балакирев. Воспоминания и письма / редкол.: Ю.А. Кремлев, А.С. Ляпунова, Э.Э. Фрид (отв. ред.). Л.: Музгиз, 1962. 479 с.
9. Милий Алексеевич Балакирев. Исследования и статьи / редкол. Ю.А. Кремлев, А.С. Ляпунова, Э.Л. Фрид (отв. ред.). Л.: Музгиз, 1961. 445 с.
10. Милий Алексеевич Балакирев. Летопись жизни и творчества / сост. А.С. Ляпунова и Э.Э. Язовицкая. Л.: Музыка, 1967. 600 с.
11. Миллер Л.А. О личном собрании А.Н. Ляпунова // Памяти Анастасии Сергеевны Ляпуновой: сб. статей и материалов. Петербургский музыкальный архив. Вып. 9 / сост. и отв. ред. Т.З. Сквирская. СПб.: Политехнический университет, 2012. С. 165–176.
12. Пуртов Ф.Э. Нотные издания XVIII века. Каталог. СПб.: Бельведер, 2007. 563 с.
13. Райскин И.Г. Находки в лавке букиниста: «Изъ книгъ М.А. Балакирева» // Балакиреву посвящается: сб. статей и материалов. Вып. 3 / ред.-сост. Т.А. Зайцева. СПб.: Композитор-Санкт-Петербург, 2014. С. 370–377.

14. Сквирская Т.З. Из нотной библиотеки М.А. Балакирева // Балакиреву посвящается: сб. статей и материалов. Вып. 3 / ред.-сост. Т.А. Зайцева. СПб.: Композитор-Санкт-Петербург, 2014. С. 362–370.
15. Словарь иностранных слов. 15-е изд. М.: Русский язык, 1988. 608 с.
16. Солоухин В.А. Зимний день. Рассказы. М.: Сов. писатель, 1969. 288 с.
17. Сомов В. Из истории русско-европейских музыкальных связей середины XIX века: письма А.Д. Улыбышева к Ф.Ж. Фетису // Балакиреву посвящается: сб. статей и материалов. Вып. 3 / ред.-сост. Т.А. Зайцева. СПб.: Композитор-Санкт-Петербург, 2014. С. 218–235.
18. Улыбышев А.Д. Новая биография Моцарта. В 3 т. Т. 2. М.: П. Юргенсон, 1891. 196 с.
19. Финдейзен Н.Ф. Дневники. 1892–1901 / вступ. ст., расшифровка рукописи, исследование, комм., подгот. к публ. М.Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 428 с.
20. Чернов К.Н. Милий Алексеевич Балакирев (По воспоминаниям и письмам) // Музыкальная летопись. Статьи и материалы. Сб. 3 / под ред. А.Н. Римского-Корсакова. Л.; М.: Мысль, 1925. С. 5–74.
21. Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1950. 464 с.
22. Юст Липсий. О библиотеках / пер. с латинского В. Поршнева. СПб.: СПбГУКИ, 2013. 111 с.

Об авторе:

Зайцева Татьяна Андреевна, доктор искусствоведения, профессор, Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова (190068, Санкт-Петербург, Россия), **ORCID: 0000-0001-8971-7558**, vonhase@mail.ru

REFERENCES

1. Balakirev M.M., Stasov V.V. *Perepiska. V 2 tomakh. Tom 1: Pis'ma: 1858–1880* [Correspondence. In 2 volumes. Volume 1: Letters: 1858–1880]. Editor-compiler, author of the introductory article and comments by A.S. Lyapunova. Moscow: Muzyka, 1970. 488 p.
2. Balakirev M.M., Stasov V.V. *Perepiska. V 2 tomakh. Tom 2. Pis'ma: 1881–1906* [Correspondence. In 2 volumes. Volume 2. Letters: 1881–1906]. Editor-compiler, author of the introductory article and comments by A.S. Lyapunova. Moscow: Muzyka, 1971. 424 p.
3. Bezuglova I.F. *Sobraniya i kollektzii v fondakh muzykal'nogo otdela Rossiyskoy natsional'noy biblioteki* [Collections and Collections in the Holdings of the Music Department of the Russian National Library]. *Muzykal'noe nasledie v sovremennom obshchestve* [Musical Heritage in Modern Society]. Moscow: Vserossiyskoe muzeynoe ob'edinenie muzykal'noy kul'tury imeni M.I. Glinki, 2014, pp. 93–99.
4. Berkov P.N. *Russkie knigolyuby* [Russian Book Lovers]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1967. 316 p.
5. Dal' V.A. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 tomakh. Tom 4* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 volumes. Volume 4]. Moscow: Russkiy yazyk Media, 2003. 686 p.
6. Zaytseva T.A. *Nakhodki v biblioteke Sankt-Peterburgskoy konservatorii (k 185-letiyu M.A. Balakireva)* [Finds in the library of the St. Petersburg Conservatory (to the 185th anniversary of M.A. Balakirev)]. *Opera musicologica*. 2021, No. 4, pp. 128–144.

7. Zaytseva T.A. «Neznaemaya lira» [“Unknown Lyre”]. *M.A. Balakirev. Polnoe sobranie dukhovnykh sochineniy* [M.A. Balakirev. The Complete Collection of Spiritual Works]. Introductory article, commentary and appendix by T.A. Zaitseva. Moscow: Muzyka, 2015, pp. 11–43.
8. *Milyy Alekseevich Balakirev. Vospominaniya i pis'ma* [Mily Alekseevich Balakirev. Memories and Letters]. Editorial board: Y.A. Kremlev, A.S. Lyapunova, E.E. Fried (executive editor). Leningrad: Muzgiz, 1962. 479 p.
9. *Milyy Alekseevich Balakirev. Issledovaniya i stat'i* [Mily Alekseevich Balakirev. Studies and articles]. Editorial board: Y.A. Kremlev, A.S. Lyapunova, E.L. Fried (executive editor). Leningrad: Muzgiz, 1961. 445 p.
10. *Milyy Alekseevich Balakirev. Letopis' zhizni i tvorchestva* [Mily Alekseevich Balakirev. Chronicle of life and work]. Compiled by A.S. Lyapunova and E.E. Yazovitskaya. Leningrad: Muzyka, 1967. 600 p.
11. Miller L.A. O lichnom sobranii A.N. Lyapunova [About the Personal Collection of A.N. Lyapunova]. *Pamyati Anastasii Sergeevny Lyapunovoy: sbornik statey i materialov. Peterburgskiy muzykal'nyy arkhiv. Vypusk 9* [In Memory of Anastasia Sergeevna Lyapunova: a collection of articles and materials. Petersburg Musical Archive. Issue 9]. Compiler and responsible editor T.Z. Skvirskaya. St. Petersburg: Politekhnikeskiiy universitet, 2012, pp. 165–176.
12. Purtov F.E. *Notnye izdaniya XVIII veka. Katalog* [Note Editions of the XVIII Century. Catalogue]. St. Petersburg: Bel'veder, 2007. 563 p.
13. Rayskin I.G. Nakhodki v lavke bukinista: «Iz" knig" M.A. Balakireva» [Finds in the Shop of a Bookseller: “From the Books of M.A. Balakirev”]. *Balakirevu posvyashchaetsya: sbornik statey i materialov. Vypusk 3* [Balakirev is Dedicated to: a collection of articles and materials. Issue 3]. Editor-composer T.A. Zaitseva. St. Petersburg: Kompozitor-Sankt-Peterburg, 2014, pp. 370–377.
14. Skvirskaya T.Z. Iz notnoy biblioteki M.A. Balakireva [From the Music Library of M.A. Balakirev]. *Balakirevu posvyashchaetsya: sbornik statey i materialov. Vypusk 3* [Balakirev is Dedicated to: a collection of articles and materials. Issue 3]. Editor-composer T.A. Zaitseva. St. Petersburg: Kompozitor-Sankt-Peterburg, 2014, pp. 362–370.
15. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. 15th edition. Moscow: Russkiy yazyk, 1988. 608 p.
16. Soloukhin V.A. *Zimniy den'. Rasskazy* [Winter Day. Stories]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1969. 288 p.
17. Somov V. Iz istorii russko-evropeyskikh muzykal'nykh svyazey serediny XIX veka: pis'ma A.D. Ulybysheva k F.Zh. Fetisu [From the History of Russian-European Musical Ties of the Mid-19th Century: Letters of A.D. Ulybyshev to F.J. Fetis]. *Balakirevu posvyashchaetsya: sbornik statey i materialov. Vypusk 3* [Balakirev Dedicated to Balakirev: Collection of Articles and Materials. Issue 3]. Editor-composer T.A. Zaitseva. St. Petersburg: Kompozitor-Sankt-Peterburg, 2014, pp. 218–235.
18. Ulybyshev A.D. *Novaya biografiya Motsarta. V 3 tomakh. Tom 2* [New Biography of Mozart. In 3 volumes. Volume 2]. Moscow: P. Yurgenson, 1891. 196 p.
19. Findeyzen N.F. *Dnevnik. 1892–1901* [Diaries. 1892–1901]. Introductory article, manuscript transcription, research, comments, preparation for publication by M.L. Kosmovskaya. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2004. 428 p.
20. Chernov K.N. Milyy Alekseevich Balakirev (Po vospominaniyam i pis'mam) [Mily Alekseevich Balakirev (On Memoirs and Letters)]. *Muzykal'naya letopis'. Stat'i i materialy. Sbornik 3* [Musical Annals. Articles and materials. Collection 3]. Edited by A.N. Rimsky-Korsakov. Leningrad; Moscow: Mysl', 1925, pp. 5–74.

21. Chernyshevskiy N.G. *Chto delat'?* *Iz rasskazov o novykh lyudyakh* [What to Do? From the Stories About New People]. Leningrad: Leningradskoe gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo, 1950. 464 p.

22. Yust Lipsiy. *O bibliotekakh* [About libraries]. Translated from Latin by V. Porshnev. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy institut kul'tury, 2013. 111 p.

About the author:

Tatyana A. Zaitseva, DrSci (Arts), Professor, St. Petersburg State N.A. Rimsky-Korsakov Conservatory, (190068, Saint-Petersburg, Russia), **ORCID: 0000-0001-8971-7558**, vonhase@mail.ru

